

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

БОНД,
МИСС БОНД!

ЭКСМО

Оля Романчикова

Елена Логунова

Бонд, мисс Бонд!

«ЭКСМО»

2013

Логунова Е. И.

Бонд, мисс Бонд! / Е. И. Логунова — «Эксмо», 2013 — (Оля Романчикова)

ISBN 978-5-699-64451-3

Учительница Ольга Романчикова повидала многое, но «красную метку» – зловещий листок с могильным крестиком – среди тетрадок с диктантами она обнаружила впервые. А самое ужасное, что подобное послание получила их железобетонная завуч и немедленно скончалась! Неужели Ольгу ждет та же участь? Но от переживаний о собственной незавидной судьбе ее отвлекла случайная встреча с бизнесменом Андреем Грозовым, без пяти минут олигархом, за которым явно кто-то следит...

ISBN 978-5-699-64451-3

© Логунова Е. И., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Вместо пролога	5
Вторник	7
Среда	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Елена Логунова

Бонд, мисс Бонд!

Вместо пролога

На балконе с видом на море стояли двое – мальчик и еще мальчик. Именно так обоих называл третий мужчина, прятаясь в затемненном номере.

Море, на которое смотрели условные мальчики, называлось Средиземным, омываемый им берег – Лазурным, а город на берегу именовался Каннами и у подавляющего большинства цивилизованных граждан ассоциировался с красной ковровой дорожкой.

Двое на балконе примыкали к большинству, с одной существенной поправкой: красная ковровая дорожка у них ассоциировалась с катафалком, и именно этим специфическим транспортом они страстно желали поскорее «эх-прокатить» скандально известного олигарха Якова Яблонского, он же просто ЯЯ.

Яблонский вышеуказанное желание отнюдь не разделял, не приветствовал, упорно не позволял ему сбыться и в настоящий момент рассекал волны синего Средиземного моря на собственной яхте, габаритами лишь незначительно уступающей тому отелю, на балконе которого томились мальчик и еще мальчик.

– Суета сует, мальчики мои, суета сует! – скучающим голосом произнес третий мужчина, мелодично позвонив кубиками льда в стакане для виски, наполненном чем положено. – Этак, в лоб, к нему не подобраться, надо издали заходить.

– Через Чукотку? – не без язвительности спросил Первый мальчик.

– Не путай олигархов друг с другом, малыш, – хмыкнул Третий. – И я имел в виду не расстояние, а время. Поройтесь в прошлом уважаемого Якова Аркадьевича, найдите что-нибудь человеческое в этой бронзовой статуе, ведь есть же люди, которым он доверяет.

– Уже нет, – сказал Второй мальчик.

– Рядом с ним, конечно, нет, а вот где-то там, в туманных даях его незабываемого прошлого наверняка хоть кто-нибудь остался, – уверенно предположил Третий и снова набулькал себе полный стакан. – Хватит пасти клиента по границам! Ступайте домой, в поле, в глушь, в деревню. Найдите у корней и истоков какого-нибудь его родного человечка.

– То есть шерше ля фам? – проявил эрудицию Первый мальчик.

– Не обязательно ля фам, совсем не обязательно, – возразил Третий. – Ищите бывшую любимую, школьного друга, неразлучного институтского товарища, соратника по первым славным авантюрам – любую душеньку, чей призыв способен вызвать теплый ностальгический отклик у нашего кровососа. Придумайте, как зацепить этого аллигатора за живое! Вышибите из него сладкую крокодилью слезу! Выдерните его на тайное романтическое свидание! И в теплой дружеской обстановке сделайте то, что нужно.

Второй мальчик проворно повернулся к морю задом, к номеру передом:

– А вы слышали, что в юности ЯЯ мечтал стать писателем и в течение пары лет вел дневник? Вот бы его почитать!

– Вот бы его найти для начала, – пробурчал Первый.

– Вот и молодцы, мои мальчики, вот и умницы, – похвалил их Третий. – Найдите дневничок, это верная тема. Полистаем, почитаем, подберем наживку для золотой рыбки!

На секретные поиски «дневничка» ушло два месяца. Разных ниточек мальчики перебрали не меньше, чем работающие ткачи-ковроделы, и наконец одна из них привела к бизнесмену помельче. Бывший приятель ЯЯ, он, предположительно, сохранил его юношеские записи.

Мальчики предвкушали интересное чтение.

Вторник

Петрович накрыл ладонями чадающий костерок в мусорном баке и зажмурился – от дыма и от удовольствия разом.

Языки пламени потянулись лизнуть задубевшую кожу, и это было как ласка – преступная, случайная и заведомо короткая. Вот-вот кто-нибудь увидит на сизом металлическом экране забора отсветы огня, и тогда поджигателя прогонят криками, а то и тумаками.

– Ах ты, сволочуга, пьянь подзаборная, опять за свое!

Спина под драным пальто зачесалась особенно сильно, как будто гневный бабий крик разодрал не только вечернюю тишину, но и зудящие струпья под лопатками.

Петрович оглянулся, спешно выдернул руки из жаркой вонищей пасти контейнера, ссутулился и заторопился прочь, привлекая ноги в разбитых башмаках.

– Нет, вы только посмотрите, люди добрые, что делается! – продолжала возмущаться крикливая баба.

Ее массивное тело в белом халате наполовину заполнило собой окно пищеблока.

– Что творится-то, а?! Этот бомжара, тварь вонищая, опять нашу мусорку подпалил!

– Вера Ивановна, немедленно прекратите ругаться, у нас тут дети! – встав на цыпочки, строго сказал главврач Семин в открытую форточку.

– Дети, – эхом повторил Андрей, не отрывая взгляда от человеческого силуэта в желтом прямоугольнике другого окна.

Здание центра построили «книжкой», и из кабинета главврача хорошо просматривалась палата, расположенная под углом.

– Ему спать не пора? – не оборачиваясь, спросил Андрей доктора.

Фантомас уже с полчаса неподвижно сидел на подоконнике, глядя в ночь, где не происходило ничего интересного.

– Не хочет, – вздохнул Семин.

– Да он ничего не хочет! – раздраженно сказал Андрей.

Он видел, что коробка с очередной новой игрушкой стоит на полу возле кровати. Фантомас ее даже не распаковал.

– То-то и оно! – снова вздохнул доктор.

Андрей выругался гораздо круче, но гораздо тише, чем Вера Ивановна, и прижался лбом к холодному стеклу.

Мальчик на подоконнике был похож на изящную статуэтку – хрупкие плечи, тонкая шея, аккуратные уши, голая голова. Отсутствие бровей и ресниц подчеркивало чистоту и гладкость восково-желтой кожи.

Андрей закрыл глаза и тихо спросил:

– Сережа, сколько еще?

– Андрюша, дело не в деньгах, ты же знаешь, мы делаем все, что можно!

– Я не о деньгах! – Андрей обернулся, сверкнул глазами. – Я спрашиваю, сколько ему осталось?!

– Бог знает, – доктор Семин отвел взгляд в сторону. – Беда в том, что он уже не хочет бороться.

– Он ничего не хочет, – повторил Андрей и вновь посмотрел на сына.

Семь лет. Всего семь! Господи, как ты бываешь несправедлив!

Угловатая фигурка на подоконнике изменила позу. Теперь Фантомас стоял на коленях, прижавшись лицом к стеклу. Под желтыми ладошками и расплюснутым в пяточек носом расплылись туманные пятна.

– Куда это он засмотрелся? – удивился доктор Семин.

Зимой роскошные больничные клумбы прятались под снегом, и на лавочках в поздний час не было ни души.

Но кто-то же запустил эту штуку?!

Призрачно белея в темноте, в звездное небо медленно возносился большой целлофановый пакет. Под ним, распухшим, как подушка, яркой звездочкой горел живой огонек.

Андрей дернул раму и настежь распахнул окно.

Подхваченные ветром, со стола доктора вспорхнули бумаги, и стало слышно, как в своей палате смеется Фантомас.

Летательный аппарат прошел совсем близко, и Андрей успел разглядеть и сам пакет (большой мешок для мусора!), и подвешенную под ним на тонких стропях-проволочках горелку – донышко пивной жестянки.

– О-бал-деть! – запрокинув голову, по слогам восторженно произнес доктор Семин.

Андрей скользнул изумленным и недоверчивым взглядом по расплывшейся в широкой улыбке мордашке Фантомаса и выбежал из кабинета, даже не потрудившись закрыть за собой дверь.

– Андрей Палыч, куда?! – спохватился сгучавший в коридоре водитель-охранник.

– Витя, давай за мной! – на бегу скомандовал Андрей и, проскочив мимо лифта, запрыгал вниз по ступенькам.

Старик на балконе пятиэтажки докурил сигарету и по крутой дуге отправил бычок к земле – как будто самолет пошел на посадку. Петрович запомнил место его приземления, выждал немного и пошел подбирать окурки. В этот момент во двор влетели и закружились вокруг чадающего мусорного бака два мужика.

Петрович прижался к стене и боком-боком двинулся вдоль нее к выходу со двора.

– Стой! – заметив движение, гаркнул, как выстрелил, один из тех мужиков.

Петрович замер и зажмурился.

– Витя, не бей его! – подоспел второй мужик.

Он был постарше и очень хорошо одет. Солидный дядька, только весь расхристанный, запыхавшийся и с глазами, как у больной собаки.

– Твоя работа? – указательным пальцем запыхавшийся мужик потыкал вверх.

– Нет, нет, это не я! – забормотал Петрович.

– Ага, не ты! Ври больше! – громко фыркнул мужик помоложе.

– Я больше не буду! – жалко скривился Петрович.

– Еще как будешь! Витя, в машину его! – мужик постарше повернулся и зашагал в темноту.

– Андрей Палыч, он же грязный! – возмутился молодой.

– Отмоем! – донеслось из темноты.

– Девчонки! А что я вчера видела, вы не поверите!

Люся сделала глаза круглыми стеклянными пуговицами и шваркнула свою сумку на стол, едва не перевернув тарелочку с печеньем.

– Людмилексанна, я вас попрошу! – по обыкновению, слепив имя-отчество коллеги в одно слово, строго сказала Жанна Марковна.

И, не договорив, о чем она, собственно, просит, длинно и нежно подула на блюдечко – легендарное, с голубенькой каемочкой.

Она держала его на треноге коричневых артритных пальцев, как казалось Оле, в неустойчивом равновесии. Тем не менее за годы ежеутренних чаепитий в учительской блюдечко Жанны Марковны ни разу не проявило себя как летающее.

Жанна Марковна держала под контролем всех и вся. У нее даже фонтанирующие эмоциями подростки ходили по струночке, что уж там говорить о тихих неодошевленных предметах.

Пятьдесят лет педагогического стажа – это сила и мощь, которую не спрячешь в чемоданчик с красной кнопкой!

– Ой, извините, Жанночка Марковочна! – подобострастно улыбнулась Люся, сдернув свою сумку со стола, как нашкодившую кошку. – Я очень взволнована.

– Как обычно, – едко заметила старуха, протягивая руку за печеньем.

На блеклом фоне старожилов учительской Люся, совсем недавно выпорхнувшая из стен пединститута, смотрелась интригующе и ярко, как фингал под глазом.

Люсю отличали: повышенная нервная возбудимость, неукротимая гиперактивность и детская склонность к безудержным фантазиям. Спаянный педагогический коллектив принял резвую младшую училку в свои объятия и теперь сдавливал ее, как застывающий цемент, но непокорная Люся рвалась из оков.

Оля с укором посмотрела на бунтарку.

Сколько раз ей говорить, чтобы не связывалась с Марковной!

Начинающей учительнице никак нельзя портить отношения с завучем, это как теленку с волком бодаться: Марковна, если захочет, в два счета испоганит Люсинде ее молодую цветущую жизнь! Способов много: расписание составить такое, чтобы учитель с утра до вечера в школе торчал, поурочные планы на проверку затребовать, поставить бесплатно замещать заболевших коллег, непрофильных нагрузок добавить...

Тут Оля вспомнила, что на большой перемене ей снова придется дежурить в столовой, и тихо вздохнула. Уж лучше бы ей, как Люське, пришкольный участок с детьми копать, честное слово!

На прошлой неделе Ольга села на диету и теперь переживала мучительный разлад между разумом и телом.

Разум требовал максимально дистанцироваться от высококалорийных продуктов питания, а тело реагировало на вредную пищу, как железная гирилка, конфигурацией до обидного схожая с плотным женским телом, на мощный магнит.

Вчера, когда неразумные первоклашки затеяли перебрасываться столовской едой, Ольге Павловне внезапно захотелось подпрыгнуть и зубами выхватить из воздуха помятую котлетку!

То-то было бы зрелище для первоклашек...

Пожалуй, детки вызывали бы прыгучую Ольгу Павловну на бис до тех пор, пока у поварихи тети Маши не иссякли бы запасы котлет!

– Так вот, что я видела, девочки! – оживленно продолжила Люся, нисколько не смущенная ни репликами Марковны, ни взглядами Ольги, ни самоочевидной неуместностью обращения «девочки» применительно к старшим коллегам, среди которых, к тому же, далеко не все были женского пола. – У нас на улицах похищают людей!

– Доложите по форме: на каких улицах, каких людей, почему сразу похищают? – забрюзжал преподаватель ОБЖ Александр Аркадьевич – классический армейский дуболом на пенсии.

– Санаркадьич! – покачала головой Жанна Марковна.

– Докладываю!

Неуемная Люся расправила плечи и затарахтела:

– Вчера вечером, около двадцати часов по московскому времени, я следовала с мусорным ведром в направлении ближайшей к нашему дому помойке и стала невольным свидетелем похищения гражданина типа «бомж»! С легкостью преодолев его слабое сопротивление, два мордоворота затолкали беднягу в джип и увезли в неизвестном направлении!

– Бомжей на джипах не возят! – авторитетно сказала Жанна Марковна и хрустнула печеньем.

– Наши люди в булочную на такси не ездят, – шепотом припомнила Оля незабываемое из «Бриллиантовой руки».

– Вот именно! – Люся кивнула и наконец присела, но не успокоилась: завертелась на стуле юлой, успевая обращаться ко всем сразу и к каждому в отдельности. – Я думаю, его похитили, чтобы продать на органы!

– Ах, опомнитесь, Людмилексанна, – скривилась Жанна Марковна. – Вы с ума сошли? Какие органы у бомжа?! Наверняка, он весь больной и насквозь проспиртованный.

– А помните, в прошлом году мы милицию вызывали, потому что девочки пожаловались, что под окно раздевалки приходит дяденька в пальто на голое тело? – Вынырнув из шкафчика с журналами верхней половиной тела в синем трико, не без мечтательности припомнила сие обстоятельство сорокалетняя дама-физрук Наталья Анатольевна. – Все видели, какие у него были здоровые органы!

– Наталянатольна!

Александр Аркадьевич громко крикнул и покраснел. То ли потому, что обеспечение физической и моральной безопасности учащихся на школьной территории было его обязанностью, то ли от неизбывной зависти к дяденьке с органами. Супруга Александра Аркадьевича, состоящая при школьной столовой в должности повара, бестрепетно выносила сор из супружеской постели и прилюдно называла мужа старым мерином.

Оля выдернула из стопки, приготовленной для словарного диктанта, половинку тетрадного листа в линейку, аккуратным почерком «русички» настрочила:

«Люсинда, ты дура! Смени тему, пока ЖМ не окрысилась!» – и передала записку Люсе.

Привычку обмениваться такого рода посланиями они приобрели в ходе скучных затяжных педсоветов.

Прочитав записку, хитрая Люся кивнула и громко сказала:

– Жанна Марковна, я хочу у вас совета спросить, можно? Как вы считаете, стоит ли разрешить Коробейникову из четвертого «В» сделать доклад по мотивам его поездки в Италию? У нас как раз по программе Древний Рим, а у Коробейникова куча фотографий с Колизеем и Пантеоном, и я в растерянности: с одной стороны, эффект присутствия и личные впечатления – это прекрасно, а с другой – никто из ребят за границей не бывал, один Коробейников у нас путешествует, будет ли это педагогично?

– Умница! – беззвучно проартикулировала Оля, оценив Люсину сообразительность.

Жанну Марковну хлебом не корми – дай поделиться стратегическими запасами педагогического опыта с молодыми коллегами.

Забыв про мужиков и их органы, старушенция принялась наставлять Люсинду. Та кивала и хлопала глазами, всем своим видом выражая полное согласие со сказанным и тихую радость от счастливого приобретения внушительной порции мудрости.

Оля посмотрела на часы, подхватила со стола журнал и пачку тетрадей и пошла в кабинет.

Первым сегодня у нее был условно мирный шестой «В», в котором диверсантом и провокатором сидел хулиган и двоечник Витька Овчинников – страшный сон Ольги Павловны.

Каждый выход Овчинникова к доске имел характер смертельного номера в исполнении дрессировщика и тигра, причем Ольга Павловна не рискнула бы утверждать, что укротителем является именно она.

И опаздывать на урок в шестом «В» было очень рискованно: чуть задержишься, придешь – а личинка дверного замка уже забита спичками.

Или кнопки на учительском стуле лежат, или классная доска парафином натерта, или голодный хомяк заперт в ящике с тетрадками для диктантов!

Или вообще ужас: на украшающем подоконник могучем кактусе восседает, обалдев от такого негостеприимного «ландшафта», живая жаба!

Прозвенел звонок, день вошел в привычную колею и покатился с обычной нервной тряской, зато быстро и нескучно.

– А в школе небось учат, что свет распространяется быстрее, чем звук? – хмыкнул Жора, указав на светофор небритым подбородком.

Как будто она не видела, что загорелся зеленый, и не слышала, что скопившиеся позади машины сигналият, как свадебный поезд!

«Вот козел!» – подумала Ксюша и больно закусил пухлую губу, всерьез рискуя попортить качественную работу хирурга-пластика.

Шуточками про школу Ксюшу донимал не только инструктор. Большинство ее знакомых тоже очень веселило это сочетание: гламурная Ксюша – и средняя школа!

Они были из несовместимых миров, как игрушки из разных наборов: кукла Барби – и тархтящие заводные монстрики. Поместить их в одну коробку стандартного здания школы было возможно, но зачем?!

Этого не понимал никто.

Кроме бабушки Эльвиры.

Бабушка Эльвира решительно сказала:

– Порезвилась, милочка, и хватит, взрослая уже, пора начинать жить по уму.

Подразумевалось, что до сих пор Ксюша в большинстве своих поступков руководствовалась исключительно дуростью, с чем сама она была не согласна, потому что считала, что к двадцати двум годам добилась немалых успехов.

Самым большим из них, бесспорно, была прекрасная искусственная грудь четвертого размера, но и удлиненные штырями в бедрах ноги, и манящие силиконовые губы, и пышная парикмахерская грива платиновых волос, и безупречные ногти, и гладкая кожа, и соблазнительный загар тоже чего-то стоили!

Чего именно, лучше всех знал папа, который, как деловой человек, четко оплачивал счета от специалистов индустрии красоты в обмен на Ксюшино обещание непременно закончить университет. Спасибо рыночной экономике, экзамены и зачеты прекрасно можно было купить, так что свое обещание Ксюша выполнила и желанный диплом папуле в белых ручках принесла.

Диплом свидетельствовал, что Ксения Ивановна Марковцева благополучно отучилась на факультете романо-германской филологии и получила аж две специальности сразу: переводчика и преподавателя иностранного языка.

– Вот и славненько, – сказала бабушка Эльвира. – Пойдешь работать в школу.

– В к-к-какую еще школу? – заикаясь от неожиданности, спросила Ксюша.

– В среднюю образовательную, Ксения Ивановна, в какую же еще! – спокойно ответила бабушка, легким движением руки осадив на взлете шокированную маму с ее вполне предсказуемым протестом. – Всем молчать, я дело говорю!

– Но, мама... – начал было папа.

– Я уже сорок семь лет мама! – отрезала бабушка Эльвира. – А ты уже двадцать два года отец, а родительских обязанностей своих до сих пор не понял! Ты кого вырастил, Иван?

– А кого мы вырастили? – с вызовом спросила мама, формулировкой вопроса акцентировав свое участие в процессе.

– Вы, Леночка, вырастили лоботряску и паразитку, – безмятежно ответствовала бабушка Эльвира, повторно отмахнув все их возражения и протесты. – Не спорю, Ксения – красавица, но она редкая бестолочь – вся в маму! Надо же понимать, что такую броскую внешность мужчины воспринимают совершенно однозначно, и ни один приличный человек не возьмет девицу с наружностью, привычками и образом жизни нашей Ксении в законные супруги!

– О! – коротко сказала мама, прикусив кулачок.

Ксюша поняла, что только что потеряла союзника.

– Какого именно приличного мужчину ты имеешь в виду? – спросил деловой человек папа.

– Сына Громовых, – коротко ответила бабушка Эльвира, и папа задумчиво кивнул.

Тогда Ксения поняла, что папа тоже ее не поддержит.

Громы были не только богаты, но и очень респектабельны. Чтобы породниться с Громовыми, деловой человек – папа – наладил бы дочку Ксюшу не только учительницей в российской школе – хоть миссионершей в Конго!

– Ты будешь носить элегантные деловые костюмы и шелковые блузки, – попыталась утешить дочку мама.

– И никаких ночных клубов! – сказала бабушка. – Люди должны думать, что ты не только красивая и хорошо образованная, но также скромная, добрая и очень, очень любишь детей!

– Как настоящая принцесса! – поддакнула предательница мама.

– Меня подружки засмеют, – мрачно сказала Ксюша.

– Хорошо смеется тот, кто смеется последним! – напомнил деловой человек папа. – Твои подружки обзавидуются, когда ты выйдешь за Громова.

Это был аргумент.

– Так что, Ксения Ивановна? Куда путь держишь – в бордель или в школу? – весело спросила бабушка.

– В школу, – хмуро сказала Ксюша и подняла пальчик. – Но только на один год! И с двумя условиями.

– Слушаю, – кивнул деловой человек папа.

– Во-первых, мой учительский гардероб будет из Парижа и Милана, иначе – никаких костюмчиков с блузками! А во-вторых, мне нужна машина. И ты, папа, платишь за все.

Папа крикнул, но тут на сторону Ксюши неожиданно встали мама и бабушка:

– Ну, Иван, не может же девочка, одетая в парижские костюмы, толкаться в трамвае!

И вот теперь у Ксюши есть прекрасный «Пежо» и ужасная работа...

– Спим? – с ехидной нежностью поинтересовался инструктор.

Ксюша очнулась.

Так, что делать?

Снять ногу с тормоза.

Перебросить ее на газ.

Выжать сцепление...

Нет, сначала выжать, а потом перебросить...

Или все-таки сразу?!

Учебная «шестерка» взревела, затряслась и затихла, напоследок конвульсивно дернувшись.

Очередь из автомобилей с нормальными водителями, наоборот, разразилась новой серией возмущенных гудков.

Утренний туман редел, немилосердно открывая Ксюше вид на застопорившийся позади нее караван.

Ксюша тихо выругалась, сдула со лба серебристую челку и аккуратно, как учили, стронула машину с места – к сожалению, уже на желтый свет.

– О господи! – Жора обморочно подкатил глаза к серому дырчатому потолку машины.

– Ручная коробка – это полный отстой! У меня на «Пежо»-автомат! – с вызовом сообщила ему Ксюша, лихо подрезав «Газель», отпрянувшую к обочине, как настоящая трепетная лань.

– Тебе бы лучше пулемет! – Жора опасно покосился в боковое зеркальце. – Сделай в своем «Пежо» люк, посади туда стрелка и сможешь ездить по городу даже в час пик!

– Пошел ты! – Ксюша обиделась.

– Сама иди! – огрызнулся Жора. – Слава богу, доехали уже! Давай, паркуйся. Храни нас бог...

Ксюша рывками притерла «шестерку» к бордюру газона, обрамляющего сквер, и перегнулась через спинку кресла, доставая с заднего сиденья учительскую торбу с тетрадами и пакет с туфлями.

– Шевелись, шевелись! – Жора включил аварийку.

Ксюша переобулась в элегантные «лодочки» и сунула мокасины в пакет в торбу, освободив место в ней за счет пачки тетрадей. Их она извлекла наружу, чтобы все в школе издали видели: Ксения Ивановна Марковцева от своих обязанностей не отлынивает.

– Учительница первая моя-а-а! – с притворной нежностью напел зубоскал Жора.

– Садись, два! – строго сказала Ксения Ивановна, уступая инструктору место за рулем.

Она демонстративно пристроила пачку ученических тетрадей на согнутый локоток, как младенца, и пошла на каторгу – в свою школу на другом краю сквера.

Первого и второго уроков у Ксении Ивановны сегодня не было, и это позволило ей немного попрактиковаться в вождении, но теперь пора было впрягаться и пахать на ниве просвещения.

Спустя несколько минут учебная «шестерка», следуя по обычному маршруту к полигону, въехала на мост.

– Куда ты катишь, дурачок? Тебя ж повяжут! – злорадно хохотнул разговорчивый инструктор Жора, в отсутствие живого собеседника обращаясь к грузовику в зеркале заднего вида.

Тяжелая машина уже два квартала висела на хвосте у «шестерки». Водитель грузовика, очевидно, не заметил дорожного знака, запрещавшего въезд на мост многотонным автомобилям.

– Вот идиот! – порадовался образцовый водитель Жора, предвидя теплую встречу горешофера с постом ДПС на другом берегу.

А в следующую секунду грузовик ускорился, как будто собираясь обойти «шестерку» по встречной, но вместо этого вильнул, ударил ее в бок – и направил напрямик на ограждение моста.

Под отчаянный матерный крик инструктора Жоры «шестерка» проломила перила и косо кувыркнулась с моста в рябые и темные, как пашня, речные воды.

Ксения Ивановна совсем-совсем немного опоздала: второй урок закончился, началась большая перемена – генеральный «прогон», репетиция Апокалипсиса в стенах отдельно взятой средней школы.

По двору, разгоняя туман, с воплями и визгами неуправляемыми стадами носилась засидевшаяся за партами малышня, на лестницах образовались водовороты из старшеклассников, на приступочке памятника Юному Барабанщику в холле опасно накренилась дежурная учительница с красной повязкой на рукаве. С Барабанщиком, беззвучно наярывающим палочками, она смотрелась вполне гармонично, потому что держала в зубах свисток, периодически издававший пронзительные трели. Однако на них, как и на неслышные миру музыкальные экзерсисы Барабанщика, никто не реагировал.

– Здравствуйте, Ксения Ивановна! – проорал охранник, грамотно отсиживающийся за барьером в прихожей.

Ксюша его не слышала.

Выставив вперед заградительный локоть и морщась, она прокладывала себе дорогу к учительской на втором этаже и, разумеется, не видела идущую встречным курсом Ольгу Павловну. Та тоже продвигалась в нужном направлении с упорством ледокола и тоже имела «на борту» большую стопку тетрадей.

У самой учительской «русичка» и «англичанка» встретились и, обменявшись напряженными улыбками, одновременно потянулись к дверной ручке. Однако войти в тихую гавань они не успели, потому что в них с разбегу врезался человек-ядро – Семен Блохин из пятого «А».

Боевые товарищи человека-ядра восторженно завопили, сраженные пушечным выстрелом училки ахнули и пали, рассыпавшиеся по полу тетради зашептали-зашелестели что-то жалобное...

В радиусе трех метров от места попадания человека-ядра образовалась мертвая зона, за пределами которой продолжал бушевать Апокалипсис большой перемены.

Не найдя в лексиконе дипломированного филолога подходящих к случаю приличных слов, Оля беззвучно пошевелила губами. Ксюше было проще: в отсутствие продвинутых старшеклассников она могла позволить себе выругаться по-английски.

– Ольгапална! Ксениванна! – из учительской выглянула вездесущая и всеведущая Жанна Марковна. – Что случилось?

– Так, ничего особенного, – пробормотала Оля, поднимаясь и отряхивая юбку.

Отдавать на расправу завучихе бронебойного Блохина она пожалела. Объяснила уклончиво, не называя имен:

– Мы тут столкнулись и тетради рассыпали.

– Петров! Катаев! Что вы стоите, как памятники, помогите все собрать! – распорядилась Жанна Марковна.

Названные персоны тут же пали ниц и поползли, без разбора стребая с пола тетрадки.

– Потом рассортируем, где чьи, – сказала Оля Ксюше.

И сердечно поблагодарила Петрова с Катаевым за построенную ими в рекордные сроки Пизанскую башню из помятых тетрадок.

Сортировку производили уже после пятого урока.

У Ксюши было «окно», у Оли занятия закончились, осталось только проверить тетради. Тащить их домой не хотелось, чтобы не нервировать родственников, особенно маму, которая очень боялась, что Оля снова станет «синим чулком».

Первый – и пока что последний – в жизни Ольги серьезный роман начинался бурно, но постепенно иссяк, как пересохший ручей. Отчего так случилось, она не могла объяснить не только маме, но даже себе самой. Мама же очень переживала, что ее непутевая взрослая дочь упустила единственного кавалера, и на школьные тетрадки, учебники, поурочные планы и прочие атрибуты педагогической деятельности смотрела волком.

– Шла бы ты лучше, Олька, в папин таксопарк диспетчером! – все настойчивее советовала она дочке. – Голос у тебя приятный, говоришь гладко, мужикам это понравится. А мужиков в таксопарке много, и неженатые есть, авось, нашла бы себе кого-нибудь для счастья в личной жизни!

– Перебьюсь пока жизнью общественной, – обычно отвечала Оля.

Но дополнительно нервировать мамулю не стоило, поэтому засиживаться до ночи над тетрадками на кухне она прекратила.

– Это твоя! Это моя! Моя, твоя, твоя, – Ксюша проворно раскладывала перемешавшиеся тетрадки на две кучки. – Тоже твоя! Ой, а это чье?

Оля посмотрела: Ксюша, хмурясь, разглядывала выпавшую из какой-то тетрадки бумажку. Обыкновенный клетчатый листок с примитивным рисунком в виде кружочка с крестообразным хвостиком.

– Взрослеют детки! – хмыкнула Оля. – Это же символ Венеры, знак, используемый для обозначения женского пола. Вряд ли это из моих тетрадок выпало, пятиклашки в гендерном вопросе не так продвинуты.

– У меня восьмые, – вздохнула Ксюша. – Они еще не такое рисуют! Вот недавно...

– Привет, девчонки! Что это у вас? – в учительскую вихрем ворвалась Люся.

– Шедевр примитивизма! – хмыкнула Оля.

– Ну-ка!

Люся бесцеремонно выхватила у Ксюши бумажку и вытаращила глаза в показательном ужасе:

– Ого! Какое зловещее послание!

– Почему это оно зловещее? – удивилась Оля.

– Как это почему, тут же могила с крестом нарисована! Прямо «черная метка»! Это кому же? – Люся завертела головой, переводя заинтересованный взгляд с Оли на Ксюшу и обратно.

– Типун тебе на язык, Люсинда, какая могила с крестом?! – возмутилась Ксюша. – Ты неправильно держишь бумажку, переверни ее, и получится мирный женский символ.

– А по-моему, правильно я ее держу, иначе подпись будет не под картинкой, а сверху и вниз головой, – уперлась Люся.

– Какая подпись?!

Оля вытянула шею и заглянула в бумажку.

А там – в углу – и вправду имелась крупная четкая подпись, которую она прежде не заметила, потому что ее закрывал палец Ксюши.

– О-о! – многозначительно обронила Люсинда. – Где-то я это уже видела...

– Да где только я это не видела! – в сердцах сказала Ксюша. – Это же каляка-маляка Жанны Марковны!

– Это Бяка-закаляка кусачая, – пробормотала Оля, вспомнив незабываемый детский стишок. – Я сама из головы ее выдумала...

– Точно, выдумала, – Люся хмыкнула. – Мне всегда было интересно, как этот шикарный автограф соотносится с фамилией нашей старушенции? Она же просто Новак, а тут – раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять – девять петелек и две хитрые загогулины! Может, она по паспорту какая-нибудь Новаковичешвильская-заде-оглы?

– Иван Иванович Иванов-Вано, – вспомнила Оля впечатлившее ее когда-то ФИО из телевизионных титров.

– Она не просто заде, она завуч, – хихикнув, напомнила Ксюша. – Большой начальник в наших широтах! А начальнику положена внушительная подпись, чтобы придавала должный вес резолюциям.

– Странная какая-то резолюция – могила с крестиком! – Задумалась Люся. – Что она может означать? «Сим повелеваю всем без промедления сдохнуть!»?

– Почему сразу – всем? Могила нарисована всего одна, – напомнила Оля.

– Зато красной пастой! – сверкая глазами, зловеще сказала Люся. – Как кровью!

– Типун тебе на язык, – досадливо повторила Ксюша. – Какой еще кровью? Обычной учительской ручкой с красными чернилами.

– Что возвращает нас к предположению о том, что это – распоряжение завуча! – Люся помахала бумажкой в воздухе. – Подписанный самой Жанной Марковной смертный приговор! Интересно, кому? А?

– Если так, то либо мне, либо Ксюше: «Казнить, нельзя помиловать», – Оля сказала это в шутку, но получилось не смешно. – Да ладно вам, девочки! Люсинда, хватит глупостей, иди... куда-нибудь, мне нужно тетради проверить.

– Пойду за плюшками, – легко согласилась Люся и грациозно протанцевала к двери. – А вы тут поосторожнее! Мало ли что! «Черная метка» от завуча – это вам не шуточки!

Она демонически захохотала и выскользнула за дверь.

– Вот дурында, – в сердцах сказала Ксюша.

– Да не глупая она, просто избыточно жизнерадостная, – справедливости ради возразила Оля.

И тайне позавидовала Люсиному характеру, однако не стала об этом говорить вслух.

– О боже!

Секретарша Милочка уронила телефонную трубку на рычаг и схватилась за голову, украшенную свежей укладкой, о чем Милочка никак не могла забыть, и это лишило ее хватательные движения должной экспрессии.

– Ну? – сердито буркнула бухгалтерша Алла Валентиновна, без отрыва от калькулятора покосившись на секретаршу, которая шупала собственный череп осторожно и вдумчиво, как искушенный покупатель, выбирающий спелый арбуз.

– У нас катастрофа! – слезливо сообщила Милочка, воздержавшись от настоящих рыданий из-за того, что у нее были накрашены ресницы, каковое обстоятельство, естественно, тоже являлось незабываемым.

– Что, шкаф разбили?! – взволновалась бухгалтерша, нетерпеливо ожидавшая доставки нового стеллажа со стеклянными дверцами.

– Хуже! Ноль тридцать пятая машина упала с моста!

Продолжая удерживать правую руку на калькуляторе, Алла Валентиновна возложила левую на область сердца, как будто приготовившись принести клятву на самом дорогом:

– Как упала?!

– Так!

Милочка двумя руками изобразила сложный кувырок:

– Прямо в воду! Упала и утонула!

– А кто в машине был?

– Должно быть, Жора Гвоздев, ноль тридцать пятая – это его «шестерка», – уверенно ответила Милочка и аккуратно, чтобы не размазать помаду, прикрыла ладошкой страдальчески скривленный рот.

– Один Гвоздев? У него же с утра занятия были! – Алла Валентиновна торопливо зашуршала листами журнала дополнительных занятий. – С кем же... Ага, вот: с Ксенией Марковцевой из третьей группы! Мила, звони ей! Господи, спаси и сохрани...

Милочка прекрасно понимала охвативший бухгалтершу страх.

Судьба учебного транспорта незавидна, ноль тридцать пятая «шестерка» была обречена закончить жизнь в ДТП, о чем администрация автошколы заранее не печалилась, ибо все машины «Тройки» были застрахованы. Застрахован был и водитель-инструктор Жора Гвоздев – довольно противный малый с предосудительной привычкой увозить симпатичных курсанток за город и настойчиво предлагать им отдохнуть от занятий в режиме секс-паузы в лесополосе.

Потерю Жоры и его «шестерки» администрация автошколы могла пережить без больших моральных страданий и материальных потерь, но присутствие на борту ученицы меняло картину в корне, поскольку оплата за дополнительные занятия взималась неофициально.

Алла Валентиновна без промедления сунула журнал с «левой» бухгалтерией за борт пиджака, отчего ее фигура заметно перекосилась.

– Жорка не отвечает, – прослушав серию гудков в трубке, сообщила Милочка. – И Марковцева не отвечает. В настоящее время абоненты недоступны или находятся вне зоны действия сети!

– Немедленно звони родным и близким, – Алла Валентиновна вскочила, придерживая компромат под полой, и ринулась к выходу. – А директору я сама скажу! Кто будет спрашивать – ты ничего не знаешь. Все, держи меня в курсе дела!

– Какого дела? – нахмутив выщипанные бровки, спросила секретарша у захлопнувшейся двери.

Дверь не ответила, но Милочка и сама сообразила, что за катастрофой неизбежно последует разбирательство и, значит, надо ждать появления в конторе бравых полицейских парней.

Поэтому Милочка сбегала к зеркалу, поправила прическу и макияж и только после этого позвонила «родным и близким».

Людмила Александровна Пинчикова уже третий месяц служила в городской средней школе номер тридцать один в штатной должности учителя начальных классов, но все еще воспринимала свою скромную работу как ежедневное шоу.

Людмиле Александровне с ее складом характера гораздо больше подошли бы в качестве жизненного поприща цирк шапито, театр-варьете, на худой конец – генеральный штаб воюющей армии.

Не случайно и ученики, и коллеги предпочитали называть Людмилу Александровну экстравагантным прозвищем Люсинда.

Люсинде жизненно необходимо было находиться в эпицентре внимания, сверкать, очаровывать, впечатляться и полной грудью дышать атмосферой чудес.

Не исключено, что в прежней жизни она была новогодней елкой!

Люсинда совершенно не выносила скуки и без усталости расцвечивала серую канву тоскливых будней розетками, гирляндами, бандельверками, персидскими огурцами и разными прочими декоративными орнаментами своей богатой фантазии.

Чего ей не хватало, то она придумывала на раз-два-три: «Крэкс! Пэкс! Фэкс!» – и нате вам, чудо.

Не хватало Люсинде, главным образом, трех вещей: слепого обожания влюбленного в нее человечества, увлекательных приключений и старой доброй порки, коей родители маленькой Люсинды в свое время опрометчиво пренебрегали, о чем теперь частенько сожалели, как жалеет и все прогрессивное человечество.

Тем не менее, слепого обожания последнего – то есть человечества – Люсинда периодически добивалась, хотя и ненадолго.

Чтобы слепо обожать Люсинду, нужно было потерять не только зрение, но и рассудок.

Коллективный разум человечества перманентному сумасшествию сопротивлялся, однако Люсинда без усталости изобретала эффективные способы временного отключения мозгов окружающих. На весь мир ее не хватало, но закрытые помещения средней кубатуры радиус поражения, как правило, покрывал.

В раннем детстве для покорения мира и окрестностей Люсинда успешно использовала вопли в диапазоне четырех октав с уверенным захватом верхнего «си».

Ультразвуковой удар пронзал народонаселение мощной судорогой, и ближнее человечество железной массой падало к ногам младой Люсинды с затребованными ею дарами: конфетами, куклами, бантами и прочими средствами, служащими для моментального превращения жизни в праздник.

Когда из-за жестокого акустического геноцида отзывчивые особи в окружении крикливой Люсинды вымерли как вид, она разучила вежливые слова и некоторое время результативно поражала современное ей человечество убийственной вежливостью.

Однако человечество вскоре адаптировалось и стало воспринимать изысканные манеры манипуляторши Люсинды как норму жизни.

Тогда Люсинда освоила вымогательские поцелуи – градом – в сочетании с умильными взглядами веером.

Человечество сначала растаяло и стекло к ногам Люсинды розовыми соплями, но через некоторое время снова собралось и оформилось в убедительное подобие крепостной стены.

Борьба щита и меча продолжалась. Люсинда оттачивала стратегию и совершенствовала тактику. Человечество то шло у нее на поводу, то взбрыкивало.

В настоящее время Люсинда покоряла педагогический коллектив городской средней школы номер четырнадцать, приучая его буквально есть у нее из рук.

Вкусняшки – вот что стало оружием, с помощью которого Люсинда в очередной раз завоевывала мир!

Расчет Люсинды был верен и прост.

Среднестатистический учитель российской школы – это кто?

Тургеневская барышня бальзаковского возраста, то есть незамужняя женщина «под сорок», загибающаяся сутулым кренделем в тщетных попытках скомпенсировать низкую зарплату высокой нравственностью, а неказистую наружность – роскошным внутренним миром.

А в условиях крайне ограниченных материальных возможностей среднестатистическая учительница стабилизирует расшатавшиеся нервы – чем?

Не покупкой бриллиантов, которые есть лучшие друзья какой-то другой девушки, а душевными разговорами, фильмами, книгами и – внимание! – кусняшками.

За день до Первого сентября коварная Люсинда оформила скидочную карточку постоянного покупателя в кондитерской «Пале-Рояль» и приступила к продолжительной захватнической операции под кодовым названием «Ни дня без плюшки».

Регулярно появляясь в учительской в облаке соблазнительных кондитерских ароматов и с пакетом, полным вкуснейшей выпечки, она живо завоевала сердца коллег марш-броском через желудки.

Даже старая гримза Жанна Марковна, не способная разгрызть своими ядовитыми зубами суровый столовский коржик, от изысканных кондитерских подношений Люсинды таяла, как бисквит во рту. А победоносная Люсинда специально для Жанны Марковны приносила диетическое «Птичье молоко» на сорбите – покушайте, дорогая Жанночка Марковочна, позвольте вас побаловать, вы ж все в трудах, все в трудах, как та пчела...

К слову сказать, никакого корыстного интереса Люсинда не преследовала. Ей просто нравилось нравиться людям.

Желательно – всем.

Желательно – всегда!

Определенно, прагматичная Люсинда была идеалисткой.

Такой вот парадокс.

Впрочем, люди ей действительно симпатизировали – очень многие и очень разные.

Даже бездомный побирушка, мимо которого Люсинда каждый будний день пробегала к трамваю, удивительно быстро проникся к ней теплым чувством, градус которого отнюдь не соответствовал ее скромным пожертвованиям. Кому другому за пару «двушек» божий человек и «спасибо» не сказал бы, а вот Люсинде он улыбочиво кивал, признательно прижимал руку к сердцу и давал полезные советы типа: «Нынче зря на остановке не стой, на маршруте поломка, «четверку» долго ждать придется». Правда, и Люсинда не заносилась, душевных бесед не чуралась, за что и называемая была общительным бомжом ласково и не без почтительности – Люся Александровна.

Изгнанная из учительской Олей и Ксюшей, засевшими за проверку ученических тетрадей, Люся Александровна, она же Люсинда, она же Людмилексанна, направилась прямым ходом в «Пале-Рояль» и меньше чем через полчаса вернулась в места постоянной дислокации педагогических сил с дежурным пакетом, в котором высился внушительный бастион из свежайших эклеров.

Поскольку венчало эту башню нежное и трепетное пирожное для Жанночки Марковны, именно его Люсинда извлекла из пакета самым первым – со всей возможной осторожностью, не делая резких движений и даже почти не дыша.

– Ах, Людмилексанна, милая моя! Не метали бы вы бисер перед свиньями! – укоризненно произнесла Ксюша с узнаваемыми интонациями завуча.

– Да ладно тебе, Ксю, – одернула ее добрая Оля. – ЖМ не такая уж свинья.

– Как же не свинья? – заспорила Ксюша. – Она мне выговор за вчерашнее опоздание влепила, это ли не свинство?!

– Включите чайник, девочки! – миролюбиво пропела покорительница сердец и желудков Люсинда, выплывая из учительской с «Птичьим молоком» на тарелочке.

Жертвенное пирожное нервно вздрагивало, предвидя роковую встречу с грозной ЖМ. Начался третий урок второй смены.

В пустых и гулких школьных коридорах стучалась сизая завеса из оседающей пыли, предвечерних сумерек и сигаретного дыма, предательски просачивающегося из-под двери мужского туалета.

– Мальчики! – пропела Люсинда, притормозив у клозета. – Минздрав предупреждает!

– Тут никого нет! – нарочитым басом ответили из клозета.

– Овчинников, не придуривайся, – узнала Люсинда. – Ты почему не на уроке?

– Меня к завучу вызвали.

– Вот и иди! – велела Люсинда.

Жанна Марковна на ее месте без колебаний распахнула бы дверь, чтобы шугануть курильщиков так, как и не снилось бесхребетному Минздраву. Люсинда же не хотела портить отношения с учениками, поскольку воевала исключительно за мир во всем мире.

– Вот я Жанне Марковне скажу! – пообещала она и действительно процокала каблучками в направлении «пытошной», как выразительно называли в школе келью завуча.

На двери «пытошной» белела аккуратно приклеенная бумажная таблица «Средняя заработная плата учителя в отчетном месяце» – высокомерный и неискренний ответ администрации школы на предпринимаемые родителями учеников попытки мелкого подкупа предметников.

В правом нижнем углу документа красовалась затейливая подпись Жанны Марковны – действительно, шедевральный иероглиф.

Люсинда в очередной раз фыркнула, прочитав бессовестное утверждение, будто заработок учителя с ее опытом и квалификацией составляет не менее двадцати тысяч рублей.

Менее, менее, намного менее! Едва хватает на пирожные!

Она вздохнула, со скрипом поскребла ногтем лживые цифирки объявления и позвала:

– Жанночка Марковочна, к вам можно?

Старуха не ответила, что с равной вероятностью могло означать как разрешение на вторжение, так и категорический запрет.

Люсинда все же толкнула дверь и, держа перед собой тарелочку с пирожным, словно пропуск, вошла в кабинет.

В «пытошной» было сумрачно и холодно, как в настоящих застенках. Верхний свет не горел, настольная лампа – тоже.

– Есть кто живой? – шутливо позвала Люсинда и шумно похлопала по плакату на стене, нащупывая прятанный под ним выключатель.

Пикантность ситуации заключалась в том, что учебный плакат по предмету «Анатомия человека» украшало красочное изображение мужского торса в продольном разрезе, а пимпочка выключателя хоронилась аккурат в интимной зоне репродуктивных органов.

Из-за того, что по ним постоянно хлопали, органы эти непристойно потерлись и замарались, на что Жанна Марковна почему-то совершенно не обращала внимания. Возможно, полнотой абстрагировалась от пикантной темы по причине своих преклонных лет.

Длинная лампа на потолке загудела и замигала, разгораясь.

Люсинда тоже моргнула, испуганно ойкнула и снова выключила свет, в спешке стукнув по плакату с такой силой, что пимпочка выключателя прорвалась через истончившуюся бумагу черной точкой.

Люсинде показалось, что Жанна Марковна спит в своем кресле.

Или не спит?

Ой, мама!

Люсинда прикусила губу и снова беспощадно врезала по точке «джи» на плакате. Грозно затрещала лампа.

С накренившейся тарелочки с влажным звуком ляпнулось на пол содрогавшееся от свежести пирожное «Птичье молоко».

– Жанночка Марковочна? – жалобным голосом позвала Люсинда.

Старуха согнулась в кресле, уткнувшись лицом в бумаги на столе. Наполовину раскрутившийся жидкий белесый пучок лежал на ее затылке кривым поросячьим хвостиком.

– Жанна Марковна, вы спите? Ау! Алло! Э-ге-ге!

С замирающим сердцем Люсинда на цыпочках подкралась к столу и слабо потрясла костлявое плечико в старом, замахрившемся от затяжек, трикотажном жакете.

Если бы сейчас старуха подняла голову и гневно рявкнула: «Вы с ума сошли, Людмилексання?!» – Люсинда испытала бы чувство огромного облегчения.

Но Жанна Марковна даже не шелохнулась.

Дрожащими пальцами Люсинда пощупала сухое пятнистое запястье и не нашла там никакого пульса.

– Жанночка Марковочна, вы что, умерли? – плаксиво уточнила она очевидное.

А взгляд ее уже прилип к бумажке, зажатой в морщинистом кулаке.

– Не может быть! – вмиг передумав рыдать и преисполнившись нездорового энтузиазма, вскричала Люсинда, узрев каракули на клетчатом листке.

С бесцеремонностью, которую оправдывало только вполне понятное равнодушие к происходящему бездыханной ЖМ, она выхватила помятую бумажку и ринулась к двери.

– Девочки!

Люсинда ворвалась в учительскую.

– Да, Людочка? – первым с подкупающей готовностью отозвался на «девочек» расслабленный чаем с пирожными пожилой преподаватель ОБЖ Александр Аркадьевич.

Люсинда развернулась на голос и доложила:

– Санаркадьич, Жанна Марковна умерла!

– Как умерла, где умерла, почему умерла?! – заволновался ответственный за внутришкольную безопасность.

– У себя, в «пытошной». Отчего – не знаю, но она упала на стол и лежит, не дышит.

Санаркадьич охлопал себя по бокам и выбежал вон, озабоченно вытянув шею и издавая клокочущие горловые звуки, как дикий гусь на взлете.

С грохотом отодвинув столик, дружно, как в спринте, сорвались с дивана почтенные физкультурники, Наталья Анатольевна и Борис Борисович.

Оля с Ксюшей тоже вскочили, но Люсинда посмотрела на них долгим взглядом практикующего гипнотизера и внушительно покачала головой.

– Что? – оробела Ксюша.

– Сидите, там без нас разберутся, – сказала Люсинда. – Кстати, Оль, твой Овчинников опять в сортире курит. Нет, сиди! Парня ЖМ вызывала, но теперь уже точно его не примет. – Она с размаху припечатала к столешнице помятую бумажку из кулака покойницы: – Вот! Видите? Я говорила, говорила, что это «черная метка», а вы мне не верили!

– Во-первых, если это и метка, то не черная, а красная, – рассудительно поправила нетерпимая к ошибкам Ольга Павловна. – А во вторых, откуда у тебя сей манускрипт?

– Из рук усопшей! – пугающе тараща глаза, многозначительно сообщила Люсинда.

Щеки ее расцвели румянцем, ресницы трепетали, грудь вздымалась – красота, да и только!

– То есть? – напряглась Ксюша.

– То есть эта самая бумажка была в кулаке у мертвой Жанны Марковны, – объяснила ей сияющая Люсинда и преувеличенно заботливо направила собеседниц к дивану. – А вы, девочки, присядьте, присядьте, вам о себе позаботиться нужно, не ровен час...

– Люська! – взвизгнула Ксюша.

– Ты на что намекаешь? – нахмурилась Оля.

– Ох, какие же вы, девочки, непонятливые, – сокрушенно вздохнула Люсинда, бочком присев на валик диванных перил. – Вы же видите, какие тут каракули?

– Такие же, как тут!

Оля вытянула из кармана листочек, найденный среди перемешавшихся тетрадок.

– Ну-ка! – взволнованная Ксюша забрала у нее бумажку и сравнила ее с той, что принесла Люсинда. – Да, тоже могилка с крестиком.

– И чернила те же, – подхватила Люсинда. – И та же самая подпись завуча!

– Тут три одинаковые подписи, – уточнила дотошная Ольга Павловна. – И что же это значит, по-твоему?

– Как – что?! – Люсинда всплеснула руками, едва не обрушив с подоконника кудрявую традесканцию в горшке. – По-моему, совершенно очевидно, что это – зловещее пророчество! Тот, кому адресовано это послание, должен умереть!

– Почему это? – возмутилась Ксюша.

Ее обширные планы на будущее никак не учитывали возможность собственной скоропостижной кончины.

– Так ведь ЖМ умерла!

– Так ведь ЖМ было за семьдесят! – тоже начиная избыточно волноваться, напомнила Люсинде Ольга. – И у нее сердце было слабое! Говоришь, она упала головой на стол? Наверняка это просто инфаркт!

– Похоже, что инфаркт, – подтвердил в этот момент Александр Аркадьевич, озабоченно «просквозивший» через всю учительскую к телефону на своем рабочем столе. – Не поднимайте шума, товарищи, сохраняйте спокойствие, я сообщу, куда надо.

– Слышала? Жанна Марковна умерла от инфаркта, – шепотом уела Люсю Ксюша.

– Какая разница, от чего она умерла? Важно, что умерла! – не задержалась та с ответным шепотом. – А еще важнее – она заранее ЗНАЛА, что умрет!

– И сама себя об этом проинформировала письменным сообщением? – хмыкнула Оля. – Зачем? Чтобы не забыть о своей скорой смерти... по причине старческого склероза?

К сожалению, иронизировать шепотом не получалось.

– Конечно! – убежденно кивнула Люсинда. – Она же такая зануда была – воплощенная бюрократия: заявления ей пиши, объяснительные пиши, планы пиши – ни шагу без бумажки за подписью!

Оля и Ксюша переглянулись.

Пухлые губы Ксю загнулись уголками вниз, превратившись в подобие алого пуфика на кривых ножках.

– Давайте подытожим, – спрятав в карманы внезапно задрожавшие мелкой дрожью руки, твердым учительским голосом предложила Ольга Павловна. – Вот тут у некоторых есть дикое предположение, будто Жанна Марковна неведомым образом предвидела собственную скорую смерть, а также гибель одной из нас, о чем и уведомила сама себя, а также меня или Ксюшу, символическими посланиями с ее личной подписью, так?

– Так, так! – как бойкие часики, протарахтела Люсинда.

– Тогда какого черта она не сказала прямо: «Ольгапална, вы скоро умрете!» – не выдержала Ксю.

– А почему сразу я? – огрызнулась Оля. – Почему не «Ксениванна, вы скоро умрете»?

– Девочки, не ссорьтесь! – довольно жмурясь, попросила Люся. – Негоже это – ссориться перед смертью.

Девочки, изрядно ошарашенные суровой прямокой приговора, послушно замолчали.

– Я думаю, Жанночка Марковочна сделала свое зловещее пророчество бессознательно, – как ни в чем не бывало продолжила знатная фантазерка Люсинда. – Знаете, как это бывает с медиумами? В полном трансе они озвучивают длиннющие послания с того света, а потом ни единого словечка не помнят.

– Так то медиумы! А это – наш завуч! – ожила возмущенная Оля.

– Ой, только не надо мне говорить, что у Жанны Марковны вовсе не было сверхъестественных способностей! – отмахнулась Люсинда. – Вспомните, сколько раз она ловила прогульщиков и курильщиков? Как знала, где они спрячутся! А как она комиссии встречала? Никто заранее не знал, что будет проверка, а Жанна Марковна уже с утра пораньше шорох наводила, будто чувствовала!

– А мне она в прошлом месяце вопросы для окружной контрольной работы подсказала, – неохотно припомнила Ольга Павловна. – И ведь угадала четыре из шести!

– А мне велела вызвать родителей Сунькова за день до того, как он разбил стекло! – похолодела Ксюша.

– Вооооооот! – торжественно протянула Люсинда и растянула губы в зловещей улыбке.

– Чего сидим, кого ждем? – пробегая мимо них в обратном направлении, неодобрительно поинтересовался Александр Аркадьевич. – Не скапливаемся, расходимся, освобождаем помещение!

– Как – расходимся, это же я ее нашла, я свидетель! – вскинулась неумная Люсинда.

– Свидетель она, – неласково буркнула Ксюша.

– А я пойду! – Оля встала с дивана. – Я не свидетель.

Мысль о том, что она может стать потерпевшей, по-прежнему казалась ей бредовой, но укрепляла в здоровом желании поскорее оказаться дома – в безопасности.

На обед был суп-пюре из шпината, хрустящие тосты с авокадо и тыква, запеченная с сухофруктами и пряными травами, – все вкусное, изысканное, полезное для красоты и здоровья.

Однако бабушка Эльвира бестактно заявила:

– Я не какая-то лошадь, чтобы питаться травой! – и потребовала себе свиную отбивную.

Невестка бабушки Эльвиры постаралась не показать своей обиды, хотя – по бабкиной логике – получалось, что «какая-то лошадь» – это она, изящная Елена Николаевна.

Она лишь едко заметила:

– С вашим холестерином, дорогая мама, свинная отбивная – это надежное орудие самоубийства! – и грациозно поволновала серебряной ложкой зеленый супчик.

– Все смерть мою торопишь, дорогая Леночка? – хохотнула бабушка Эльвира, придвигая к себе тарелку с мясом. – Не дожدهшься! Я вас всех переживу!

– Не гневите бога, мама, – вздохнула невестка.

Продолжать эту тему она не собиралась, чтобы не нарушить идеально сбалансированный вкус полезных блюд – пикировка с язвительной старухой была бы к ним слишком острой приправой.

Однако провидение рассудило по-своему и очень скоро заставило бабушку Эльвиру горько пожалеть о ее опрометчивых словах.

Затрезвонил домашний телефон.

Елена Николаевна сняла трубку, и девичий голос, тугой и звонкий, как натянутая струна, спросил:

– Квартира Марковцевых, да? А вы, простите, Ксении Марковцевой кто будете?

– Ксения – моя дочь, – с большим достоинством ответила Елена Николаевна.

– Ох! – опечалились в трубке.

– А в чем, собственно, дело? – заволновалась Елена Николаевна. – Вы кто?

– Я секретарь директора автошколы «Тройка», – печально, как будто огорчаясь этим фактом, ответил голос в трубке.

– Что случилось?!

– Что, что случилось? – эхом повторила бабушка Эльвира.

Она вытянула шею и замерла над растерзанным мясом, как настороженный гриф.

Елена Николаевна, бледнея, выслушала ответ звонкоголосой девушки, уронила трубку мимо телефона и тяжело, без какого-либо намека на грацию, опустилась на тумбочку.

– Лена, что?! – хрипло гаркнула бабушка-гриф.

– Мама, Ксюшина учебная машина попала в аварию...

– В какую аварию?!

– В катастрофу!

Елена Николаевна вскочила и, продолжая птичью тему, заметалась по комнате, как обезглавленная курица:

– Машина упала с моста! В реку! И утонула! И никто не выбрался!

– И Ксюша была в той машине?

Елена Николаевна резко остановилась:

– Было начало одиннадцатого, по расписанию – как раз ее время!

– Лена!

Бабушка Эльвира шумно выдохнула, покрутила головой и постучала кулаком по лбу:

– У Ксюши сегодня в десять тридцать урок в шестом классе! Звони в школу, она должна быть там!

Но к телефону в учительской никто не подошел, а Ксюшин мобильник был выключен.

– Без паники! – торопливо кутаясь в мантию и тоже запаниковав, скомандовала бабушка Эльвира. – Это ни о чем еще не говорит, потому что Ксения всегда выключает сотовый на время уроков. Лена, ты еще не одета?! Живо собирайся! Мы едем в школу!

Несмотря на то что в последний раз стремительные сборы в школу Елена Николаевна производила лет тридцать тому назад, снарядилась она быстро. Правда, в жертву скорости пришлось принести красоту.

Непричесанная, без макияжа и украшений, Елена Николаевна была сама на себя не похожа, и обычно приторно любезная консьержка с ней даже не поздоровалась – не узнала.

– Тетя Лена, это вы?! – усомнилась и девица-красавица, сидевшая в притормозившей при виде Елены Николаевны машине.

– Ой, Мариночка, здравствуй!

Елена Николаевна смутилась, потупилась, благодаря этому увидела, что неправильно застегнула шубку, и дрожащими пальчиками взялась за крючки.

Позориться перед девицей Мариной было нельзя.

Девица Марина приходилась родной сестрой тому самому «сыну Громовых», за которого бабушка Эльвира сватала Ксюшу.

– Мариша, тебя нам бог послал! – Бабуля не растерялась: крепко вцепилась в приоткрытую дверцу авто. – Не подвезешь нас? Это очень важно!

– Конечно, подвезу!

Девица Громова кивнула и засмотрелась на Елену Николаевну в перекрученной собольей шубке поверх домашнего халата с интересом, в котором только очень внимательный человек обнаружил бы долю брезгливости.

– Садитесь скорее, тетя Лен, вам ведь холодно в тапочках!

Девица Громова была очень хорошо воспитана и никогда не позволила бы себе прямо сказать почтенной даме, что та выглядит, как жертва экстренной эвакуации из погорелого театра.

Впрочем, узнав по дороге, какая пугающая новость выгнала тетю Лену и бабушку Эльвиру босиком на мороз (ну, почти босиком и почти на мороз), девица Марина прониклась серьезностью ситуации и с рекордной скоростью привела свою «Хонду» к средней школе номер четырнадцать по такому маршруту, который и не снился всезнающему спутниковому навигатору.

– Простите, ближе подъехать не смогу! – извинилась она, резко осадив свою юркую «япошку», когда та уже почти поднырнула мордой под шлагбаум у школьных ворот.

Смеркалось. Начинался дождь.

Долговязые кривошеи фонари «подметали» школьный двор бледными светлыми конусами, похожими на марлевые сачки.

В ямках и трещинах разбитого асфальта блестели звезды.

Ранний вечер был пугающе прекрасен и зловеще тих.

Шаркая парчовыми тапками и размахивая крыльями шубок, жертвы экстренной эвакуации из театральной костюмерной взяли штурмом школьное здание.

Через несколько секунд оттуда, покачивая головой, с недовольным видом вышел хилый желтушный охранник.

– Отъезжай, отъезжай! – замахал он на «Хонду». – Не загораживай проезд, сейчас спецтранспорт подъедет!

– А что случилось-то? – высунулась в окошко Марина.

Разглядев ее хорошенькое кукольное личико, охранник немного подобрел.

– ЧП у нас, девушка, – со вздохом сказал он. – Учительница умерла! Вы уж переставьте машину, пожалуйста.

– Я уже уезжаю, – покивала ему Марина – и не удержалась, спросила: – А какая учительница?

– Хорошая, – с сожалением ответил охранник.

Он повернулся и потрусил назад на крыльцо, без разбору попирая ботинками созвездия мелких лужиц.

– Очень хорошая! – эхом донеслось до девицы Громовой.

– А шапочку? – заботливо напомнил Витя.

Шапочка к новому зимнему велокостюму, выписанному втридорога из Норвегии, больше походила на маску, потому как оставляла открытыми только нос и глаза. Поэтому на месте Виктора сам Громов спросил бы иначе: «А намордничек?» – но вышколенный водитель, конечно, не мог себе такого позволить. Он даже не улыбнулся при виде шефа, затянутого в черное термотрико, хулигански разрисованное белыми костями а-ля Кощей Бессмертный.

Для Кощея, Впрочем, Громов был уже слишком массивен, хотя велосипед его выдерживал. Велосипед тоже был новый, с карбоновой рамой – необычно легкий и очень дорогой. Он имел еще одно «невесомое» преимущество – высокую скорость, но был жестковат и не переносил резких точечных ударов, так что требовал грамотной эксплуатации и аккуратного обращения. В гараже любимой игрушке Громова отвели отдельный бокс, и Витя лично присматривал за двухколесным транспортом босса.

Велик, бег и плавание позволяли Громову держать себя в хорошей форме. Раньше Андрей катался дома, за городом, у него в саду были прекрасные дорожки, достаточно протяженные и извилистые, чтобы сойти за трек. Но с тех пор, как обязательным пунктом его ежедневного расписания стали затяжные визиты в больницу, находить время на долгие велопрогулки стало сложно, поэтому Громов перевез велик в город и время от времени выкраивал «окошко» в конце рабочего дня. Благо, офис его располагался в самом центре, что позволяло проложить маршрут по паркам и скверам.

– Я быстро, – натягивая маску с принтом в виде зубастой улыбки скелета, пообещал водителю Громов и оседлал своего карбонового коня.

Тем временем Ольга Павловна скакала по лужам, торопясь укрыться от штормов и потрясений сумасшедшего рабочего дня в тихой гавани родного дома.

В такт неровным прыжкам у бедра ее подпрыгивала сумка, а над головой трясся бордовый зонт, так что со стороны уважаемая учительница сильно смахивала на самоходный кривобокий гриб – из тех безусловно ненормальных грибов, которые вызывают галлюцинации.

Не будь Ольга Павловна на вечерней улице трагически одинока, это не выглядело бы так забавно, но до восемнадцати ноль-ноль – времени массового исхода из контор и офисов других грибовидных зонтов – оставалось еще минут тридцать. Собственно, именно поэтому Оля скакала так резво: торопилась успеть на троллейбусную остановку до наступления часа пик.

Половина шестого вечера в середине декабря – воистину смутное время, пограничная территория между сумерками и тьмой.

В свете розовых и желтых фонарей, бледной луны, голубоватых звезд, автомобильных фар, светофорных огней, пульсирующих неоновых реклам тени объектов и субъектов то и дело меняют глубину цвета, размер и очертания. Они оживают, растут, сплетаются, опадают, растекаются, застывают в новых формах и вырываются из них для следующего танца.

Близорукой, но гордой девушке, не желающей уродовать себя очками в свободное от работы время, бывает очень трудно отличить реальность от вымысла в половине шестого вечера в середине декабря!

У Оли фантазия была не такая буйная, как у Люсинды.

Педагог со стажем, Ольга Павловна воспитывала свою фантазию в строгости и особой воли ей не давала. Но бредовая история с красными метками от безвременно усопшей Жанны Марковны Ольгу Павловну смутила и запутала. Она подсознательно ждала чего-то плохого, хотя и не понимала, чего именно ждет.

Из-под арочного края зонта преодолевавшая водные преграды Ольга Павловна опасливо поглядывала на Суворовский сквер по правому борту. Там было совсем темно, только призрачно белели расставленные вдоль аллеи мраморные бюсты полководцев.

Каменные черты воинственных истуканов хранили суровое выражение, соответствующее их профессиональной деятельности.

Маленькие детки, выведенные неразумными мамками-няньками в Суворовский сквер белым днем, после непродолжительной прогулки между бюстами начинали хныкать и проситься на ручки, а взрослые люди искательно хлопали себя по карманам, подсознательно желая выбросить белый флаг и сдаться на милость победителей.

К сожалению, именно через этот сквер пролегал кратчайший путь к ближайшей остановке троллейбуса.

Оля подавила вздох, повернула направо и углубилась в аллею.

В неверном свете фар мчавшихся мимо сквера автомобилей мраморные физиономии гримасничали, вызывая у знатока и ценителя русской литературы вполне уместные, но огорчительно пугающие ассоциации с незабываемым произведением Александра Сергеевича Пушкина «Каменный гость».

Отшатнувшись от мраморного Дениса Давыдова, который вроде бы наклонился в ее сторону и даже присборил свою простоватую физиономию смешливыми морщинками, словно собираясь гаркнуть что-то вроде «У-уххх, плутовка!», Ольга Павловна в утешение самой себе пролепетала незабываемое, пушкинское:

– Уж, верно, нет; он человек разумный и, верно, присмирел с тех пор, как умер! – и тут же стрельнула глазами в демонически хохочущего Григория Потемкина.

Князь Таврический моментально разгладил беломраморное чело и замер, как и положено статуе.

– Креститься надо, когда кажется! – громко сказала себе Ольга Павловна и поступила в полном соответствии со сказанным.

Как на этоотреагировали полководцы, она смотреть не стала, ускорила шаг, и ее каблучки застучали по серым плиточкам аллеи. Она торопилась поскорее избавиться от общества пугающих каменных мужиков.

Налетевшее на нее из глубины аллеи привидение Ольга Павловна увидела за несколько секунд до столкновения, но ничего не предприняла, потому что попросту не поверила своим глазам.

Привидение имело классический вид живого скелета, весьма высокую скорость передвижения и громкий голос, переливавшийся тревожным колокольчиком.

– Идет по улице скелет, на нас с тобой похож, ему совсем немного лет, и он собой хорош, – вспомнилось ошарашенной Ольге Павловне стихотворение Иртеньева.

Должно быть, скелет и впрямь был не стар годами, потому что летел он очень быстро и от удара не рассыпался – в отличие от Ольги Павловны, от которой «отвалились» зонт и сумка.

Сама же Ольга Павловна очень удачно упала на самшитовый куст.

Удачей такое падение стало для нее, а не для куста, который потерял горделивую форму шара и приобрел жалкий вид скончавшегося в конвульсиях дикобраза.

Скелет же совершил красивый кувырок вперед, крепким черепом пробил брешь в стене молодых голубых елей и исчез из виду, оставшись, впрочем, на слуху.

Слезая с поруганного самшита, Ольга Павловна отчетливо слышала перемежавшиеся однообразной руганью стоны.

Совсем рядом с ней что-то мучительно заскрипело.

Ольга Павловна отодвинула закрывавший это «что-то» зонт и испытала непередаваемые чувства, увидев застывший в неловкой и мучительной позе спортивный велосипед.

Его переднее колесо глубоко застряло в решетке люка ливневки, а заднее накренилось и замедленно вращалось, царапая землю, как лапа умирающего зверя.

– О боже, – пробормотала Оля, прозревая и осознавая истину. И тут же встрепенулась, подхватила, позвала: – Товарищ! Вы там как?!

– Каком кверху, – очень грубо и неласково пробормотал невидимый за елочками «товарищ».

Оля как кукушечка в часах выглянула в «организованное» им сквозное отверстие и спросила так, чтобы получить ответ по сути, а не тупую шуточку:

– Вы живы?

С тыльной части товарищ скелет выглядел неповрежденным и устойчиво держался не только на ногах, но и на руках – стоял «домиком», в котором верхней точкой была пятая.

Ругаясь и охая, скелет переконфигурировал свой «домик» в букву «Г». Немного постояв в этой неприличной позе, он ощупал свои нижние конечности, потом повернулся, как подъемный кран, «сориентировался» лицом к смущенной Оле и медленно разогнулся.

– Ой! У вас нога! – пискнула Оля.

Белоснежные кости, нарисованные на темном велосипедном трико, в районе правого колена замарало некрасивое пятно. Присмотревшись, Оля увидела, что там образовалась дырка, а в ней кровоточит свежая рана.

– У меня две ноги, – угрюмо огрызнулся раненый скелет и захромал в обход елочек, сильно припадая на правую ногу.

– Я помогу вам! – спохватилась Ольга Павловна и полезла в еловую дырку.

Она быстро догнала раненого и, игнорируя его явное недовольство ее попытками оказать ему помощь и поддержку, настойчиво пыталась подставить ему свое плечо до тех пор, пока они оба не рухнули в кусты.

В этот момент и в последующие тридцать секунд дипломированный филолог Ольга Павловна узнала несколько новых для нее исконно русских слов.

В переводе на литературный язык непристойная брань приблизительно сводилась к простым вопросам: «Кто вы?», «Что вам нужно?» и «Зачем я родился на свет?».

Рассудительно отнеся последний вопрос к числу риторических, Оля коротко и ясно ответила на первый и второй:

– Я учительница, иду с работы к троллейбусу.

– Я Красная Шапочка, иду к бабушке с пирожками! – передразнил ее сердитый раненый. – Слезьте с меня, вы мне и вторую ногу сломаете!

– Ничего я вам не ломала! – Оля возмутилась, но поспешила выбраться из кустов. – Вы сами на меня наехали! А я ничего не делала, спокойно стояла!

– Никого не трогала, примус починяла, – съехидничал раненый, с треском «вылупляясь» из куста.

Любительница классики узнала цитату и против воли подобрела:

– Булгаков, «Мастер и Маргарита»!

– Вас так зовут? – опять съязвил ехидный пострадалец.

– Нет, меня зовут не так.

Ольга Павловна взяла себя в руки и заговорила тем доброжелательным и строгим учительским голосом, который маленьких деточек приводит в норму, а взрослых дядечек – в бешенство.

– Меня зовут...

Ольга Павловна не успела представиться, потому что в кармане ее пальто пойманной в сети рыбкой забился мобильник.

Поднесенный к уху хозяйки, телефон безжалостно выстрелил ей прямо в мозг одиночным воплем:

– Ольга!

– Очень приятно, – саркастически пробормотал пострадалец, очевидно, обладавший достаточно острым слухом.

Впрочем, Люсинда в трубке орала так, что даже мраморные бюсты, будь у них руки, непременно зажали бы ими свои каменные уши:

– Ольга, радуйся! Ситуация проясняется! Оказывается, смерть с косой идет не к тебе, а к Ксении!

Хотя в последнее время Ольга Павловна совсем не думала о смерти с косой, так как была всецело занята скелетом с велосипедом, она моментально поняла, о чем речь, и быстро уточнила:

– Почему ты решила, что к Ксении?

– Ты представляешь, оказывается, Ксю сегодня уже чуть не погибла! – охотно объяснила Люсинда. – Та машина, которая привезла ее в школу, на мосту попала в аварию, упала в воду и утонула! Так что смерть и Ксю разминутись буквально на минуту!

– Слава богу!

Свободной рукой Ольга Павловна истово перекрестилась и свирепо глянула на пострадавшего, беззастенчиво подслушивавшего чужой телефонный разговор.

– Но, к сожалению, это не столько проясняет ситуацию, сколько запутывает ее! Понимаешь, минуту назад я тоже попала в ДТП! – заявила Оля.

– Да лааааадно?! – восторженно взревела Люсинда. – Правда?! Где, как, с кем?!

– В нашем сквере на меня налетел сумасшедший велосипедист, – ответила Ольга Павловна и с трудом удержалась, чтобы не показать язык упомянутому господину.

– Ты в порядке?

– Я-то да, а скелет разбил колено.

– Какой скелет?

– Который ехал на велосипеде.

Разговор принимал такой оборот, при котором впечатление сумасшедшей производила уже сама Ольга Павловна.

– Прикатил велосипед, а на нем сидел скелет, – срифмовала она, начиная идиотски хихикать.

– Ольга! Ты чего ржешь?! – возмутилась Люсинда. – Дело-то серьезное! У Ксю ДТП, у тебя ДТП, один-один получается! И по-прежнему непонятно: кому из вас ЖМ прислала «красную метку»?

– Она сказала «красную сетку» или «красную ветку»? – беспардонно уточнил любопытный пострадавший.

– «Красную метку»! – безупречно артикулируя, повторила Ольга Павловна. – По буквам: Маша, Ева, Таня, Катя, Аня. Метка!

– Оль, ты правда в порядке? – не поверила Люсинда. – Оль, может, тебе надо к врачу?

– Мне не надо к врачу, мой-то скелет не пострадал, – ответила Ольга Павловна и бурно захохотала.

– А у вас истерика началась, – злорадным тоном Карлсона, сообщающего Фрекен Бок: «А у вас молоко убежало!» – констатировал пострадалец.

Склонив исцарапанную щеку к плечу, он наблюдал, как загибающаяся от смеха Ольга Павловна запикивает в карман свой голосистый телефон.

Тот протестующе вибрировал и норовил вылезти обратно.

– Простите, – отсмеявшись, извинилась Оля. – Такая, знаете ли, нелепая история... Не обращайтесь внимания. Как ваша нога? Может, вам «Скорую» вызвать?

– Не надо мне «Скорую».

– Не надо так не надо, – сговорчиво согласилась Ольга. – Тогда я пойду?

– Идите.

– Спасибо, до свиданья!

Они раскланялись: дама сделала книксен, а джентльмен шаркнул неповрежденной ножкой, и Ольга Павловна поспешила продолжить свой многотрудный путь к троллейбусу.

Мужчина в испорченном велосипедном костюме проводил ее заинтересованным взглядом, в котором плескалось веселье, крайне странно сочетавшееся с его пугающим нарядом и общим потрепанным видом.

– Ольга, значит, – повторил он. – И неожиданно с преувеличенной душевностью напел абсолютно не подходящим ему козлиным тенором: – А-а-ах, О-о-ольга, я тебя любил! Тебе единой посвятил рассвет печальный жизни бурной...

Эрудированная Ольга Павловна наверняка узнала бы арию Ленского из оперы «Евгений Онегин», но она ничего не услышала.

Жизнь действительно становилась все более бурной, а до рассвета было еще о-го-го как далеко.

«Черт, как же ее зовут?!»

Елена Николаевна, мама Ксюши, ожесточенно копалась одновременно в памяти и в ридикуле.

Практикующую гадалку-ясновидящую с превосходной репутацией и очень трудным именем ей посоветовала подруга. Затеиливое имя кудесницы Елена Николаевна записала на бумажке, а бумажку положила в...

«Черт, куда же я ее положила?!»

– Я слушаю тебя, женщина. Задай свой вопрос!

– Э-э-э...

– Эуфимия, – подсказала проницательная кудесница.

У нее был глубокий оперный бас, густые косматые брови и седые усы над губой.

Голосом госпожа Эуфимия походила на певца Шаляпина, а лицом на канцлера Бисмарка, переодетого в женское платье. Сходство портила только мощная грудь, которой не было ни у Бисмарка, ни даже у Шаляпина. Грудью госпожа Эуфимия походила на могучую деревянную деву с носа старинного корабля.

Внушительные крепкие выпуклости госпожи Эуфимии были окутаны нежно-зеленым шелком и щедро декорированы серебром и нефритом.

Елена Николаевна засмотрелась на все это великолепие и снова забыла имя гадалки.

– Какого знания ты ищешь? – чуть более нетерпеливым тоном спросила госпожа Эуфимия.

«Какого черта ты пришла?!» – почудилось Елене Николаевне.

– Эу...

– Эуфимия.

– Дорогая госпожа Эухимия! – трудное имя выскакивало из памяти моментально.

– Фимия!

– Что?

– Фимия, а не химия! Эу-фимия! – недовольно пророкотала кудесница, уведя впечатляющий оперный бас в такие низы, куда Шаляпин и не заглядывал.

– Эу, – беспомощно согласилась Елена Николаевна. – Извините, что я к вам нагрянула так внезапно... никогда не думала, что мне понадобятся услуги специалиста вашего профиля. Мне вас порекомендовала подруга, Марианна Тушина, вы знаете ее – жена банкира Тушина.

– Что ж, можете звать меня Фимой, – смиловилась кудесница.

Елена Николаевна признательно кивнула.

– Я пришла посоветоваться насчет дочери.

– Имя?

– Фима! То есть, Эу...

– Имя дочери!

– Ах, дочери! Ксения. Вот ее фото.

Елена Николаевна открыла портмоне и заодно со снимком Ксюши удачно нашла бумажку с именем гадалки.

– Эу-фи-мия, дорогая! Посмотрите на мою славную девочку. Неужели похоже, что ее ждет скорая смерть?!

Во всех смыслах дорогая, Эуфимия благосклонно посмотрела не то на фото, не то на портмоне.

– А почему вы спрашиваете? Что побудило вас задуматься о скорой смерти дочери?

– Предсказание! – Елена Николаевна всплеснула руками.

– Чье предсказание?

Госпожа Эуфимия нахмурилась, сведя брови в одну линию, густую и лохматую, как меховая аппликация.

Конкуренции она не любила.

– Ах, да ничье! Не поверите – школьной учительницы, старушки завуча! Она прислала моей девочке записку, смысл которой уловить крайне трудно, но там такие, знаете, неприятные символы – крест, могила... И мы крайне встревожены!

– Так почему бы вам не задать свои вопросы этой... даме?

– Да потому, что она умерла!

– О!

«Бояться конкуренции уже не нужно», – подумала гадалка и улыбнулась, повторив вслух:

– Бояться не нужно. Если вы будете слушаться меня во всем, я помогу вам уберечь дочь от опасности.

– Мы будем слушаться, – пообещала Елена Николаевна и догадливо открыла бумажник.

– Прекрасно, – пророкотала госпожа Эуфимия и закрыла глаза, прикидывая, какую сумму можно «снять» с очередной доверчивой мадам.

Не наговорившись вдоволь по мобильному, Люсинда опрометчиво атаковала домашний телефон Ольги Павловны.

Трубку сняла Олина любящая мама, Галина Викторовна, что однозначно обещало долгий задушевный разговор в том своеобразном стиле, который успешно практиковали святые отцы инквизиции.

Отличительными чертами святой матери инквизиции, а также Оли и Костика Романчиковых, Галины Викторовны, были безудержная забота и сокрушительное человеколюбие. От природы она была ничуть не менее любопытна, чем ее собеседница, но за годы жизни гораздо лучше поднаторела в проведении бесконтактных телефонных пыток, так что вопрос: «Расколется Люсинда или не расколется?» вообще на повестке дня не стоял.

Спасти подвергавшуюся виртуозному допросу Люсинду от сдачи всех ключей, паролей и явок мог только внезапный и продолжительный обрыв телефонной связи.

Убаюканная ласковым голосом Галины Викторовны и польщенная ее живейшим интересом к ее повествованию, Люсинда успела выдать Олиной маме две новости – как водится, одну плохую и одну хорошую.

Она рассказала Галине Викторовне о безвременной кончине Жанны Марковны (это была плохая новость, хотя немалое количество истомившихся под гнетом ЖМ школяров и даже педагогов могло бы с такой оценкой весьма аргументированно поспорить) и о чудесном везении Ксю, которая безвременной кончины, наоборот, избежала.

С этих дальних стратегических рубежей основательная рассказчица Люсинда намеревалась подступить к животрепещущей истории с «красной меткой», что было примерно так же разумно, как и попытка прооперировать железы через задний проход.

Узнай Галина Викторовна об угрозе жизни, нависшей над Ольгой Павловной, она поставила бы под ружье весь клан Романчиковых, а вооруженные, шагающие по тропе войны колонной по четыре Романчиковы были силой, вполне способной парализовать нормальную жизнедеятельность целого спального района.

При таком раскладе любимая дочь, скорее всего, оказалась бы заточена в многоэтажной башне, у основания которой сменяли бы друг друга в карауле папа, дядя, дедушка, брат и кузены, в то время как женская часть клана со скалками и сковородками защищала бы милую Олюшку от всевозможных врагов и напастей на ближних подступах к квартире.

Оле такая перспектива отнюдь не улыбалась.

Именно поэтому, едва войдя в квартиру и увидев в углу прихожей спину мамы (в бархате), конспиративно прятавшей в рукаве халата телефонную трубку и завлекательно мурлыкавшей: «Ой, что вы говорите, Люсенька? Да неужели?!» – она повела себя отнюдь не как благовоспитанная барышня.

Даже не поздоровавшись, Оля вырвала у мамы телефонную трубку, за которую Галина Викторовна несколько минут сражалась, как спартанцы за Фермопилы, и, как спартанцы в той неравной битве, погибла, осев на тумбочку у трюмо с притворным сердечным приступом.

– Да! Это Ольга, – неласково рявкнула Оля в трубку, информируя воркующую Люсинду о смене собеседника. – Ну, что у тебя еще?

– Дошла? – обрадовалась Люсинда.

– До ручки! – подтвердила Оля.

И одной из этих ручек помахала «умирающей» Галине Викторовне, указывая ей направление к более удобному, чем полированная тумба, раскладному двухспальному смертному одру в гостиной.

– Что ты наговорила моей маме, Люся? Она в обмороке!

Якобы пребывавшая в обмороке мама зажмурилась, как сова, и наострила ухо, как зайчик.

– Папа, забери маму! – крикнула Оля в сторону гостиной.

– Оставь себе! – донеслось оттуда.

– Паша?!

Мама обиделась, мгновенно вышла из комы и полетела выяснять отношения с нечутким папой.

Оля одним движением руки опустила, как рычаг, рогатую вешалку в углу, превратила ее в баррикаду, перегородившую проход, и только тогда проникновенно сказала в трубку:

– Люсинда, я тебя умоляю! Ради всего святого, не втягивай в это моих родных! Вообще никому не рассказывай про «красную метку», пожалуйста! Пусть эта пугающая фантазия останется между нами. Между тобой, мной и Ксю!

– А Ксю своим уже все рассказала!

– Зачем?!

– Как это – зачем?! – искренне удивилась Люсинда. – Они примчались в школу, не зная, жива ли их дочь и внучка или нет! Мы же должны были их успокоить!

Местоимение множественного числа – «мы» – выдавало основного добросердечного информатора с головой.

– То есть, это не Ксю, а ты им рассказала про «красную метку»? – поняла Оля. – То-то они, наверное, сразу успокоились! Люсинда, ты – чудовище.

– Дикое, но симпатичное, – согласилась непробиваемая Люсинда. – Короче, я чего звоню-то?..

– Действительно, – пробормотала Оля.

– Я звоню сказать тебе, что мы с Ксю и ее родней немного подумали и решили, что вам совсем не обязательно умирать!

– Вот спасибо, – буркнула Оля.

– Хотя мы по-прежнему не знаем, кому из вас Жанна Марковна адресовала свою «красную метку», есть один обнадеживающий факт.

– Ну-ка?

– На той «красной метке», которая была у ЖМ в кулаке, сразу три подписи! А на вашей-то – всего одна!

– И какие же надежды это нам внушает?

– Очень даже светлые! – заверила ее Люсинда. – Мы думаем, это значит, что в своей собственной смерти Жанна Марковна была гораздо больше уверена, чем в вашей!

– Втрое больше уверена, – сообразила Оля.

А ее хорошо воспитанное, но порывистое воображение моментально нарисовало картинку, на которой Жанна Марковна, брюзгливо поджав губы, решительно утверждала свою скорую и неминуемую гибель троекратно повторенной каракулей.

– В общем, если три подписи под изображением могилки с крестиком – это, как показывает практика Жанны Марковны, гарантированная смерть, то одна подпись, по идее, должна соответствовать риску в тридцать три целых и три десятых процента! – радостно объявила Люсинда. – Не такие уж плохие шансы, по-моему!

– В таком случае – до завтра! Два к одному, что мы еще увидимся, – резюмировала по-прежнему сердитая Оля.

За стеклянной дверью гостиной угрозой неминуемого вторжения маячила фигура любящей мамы. Чтобы избежать допроса, Оля убежала в санузел и добрый час отмокала в горячей ванне.

Судя по тому, что никто не ломился к ней с криком «Детка, ты не утонула?», в данный момент родители Романчиковы не испытывали особого беспокойства за жизнь дочурки.

Стало быть, болтушка Люсинда не успела полномасштабно просветить Галину Викторовну относительно Олиных шансов на выживание.

Это радовало.

Слабо, но все же – радовало.

Тем же бурным вечером едва не разорвалось еще одно женское сердце – девицы Громовой.

Приняв к сведению сообщение школьного охранника о смерти «хорошей учительницы», она решила, что худшие опасения тети Лены и бабушки Эльвиры Марковцевых сбылись: Ксюша погибла.

Хотя это трудно было заподозрить по ее внешнему виду, Марина Громова получила хорошее воспитание. Оказавшись некоторым образом причастной к трагедии Марковцевых, она должна была обозначить свое отношение к случившемуся. Не позвонить тете Лене и бабушке Эльвире с соболезнованиями было бы крайне невежливо.

Мысленно набросав короткую прочувствованную речь и определившись с приветствием («Добрый вечер» отпадало однозначно), Марина набрала номер домашнего телефона Марковцевых и печальным тоном произнесла:

– Здравствуйте! Это Марина Громова.

– О, привет, – ответил ей несколько нервный, но ничуть не скорбный женский голос. – Ты где пропадаешь? Когда увидимся?

– Когда скажете, – осторожно ответила Марина, имея в виду не назначенный еще день похорон.

– Давай на той неделе?

– Конечно, – согласилась Марина, недоумевая, отчего это дата печального «торжества» отодвинута на несколько дней.

– В ближайшее время я не смогу, меня тут заперли, – пояснила ее собеседница.

«Где это?!» – испуганно спросил Маринин внутренний голос.

– Кто это?! – по-своему спросила сама Марина, уже узнавая голос и ужасаясь перспективе встречи с покойницей.

Даже если на той неделе – все равно рано! Марина рассчитывала еще немного пожить.

– Здрасьте! Неужто не узнала? Это же я, Ксюша!

Именно в этот момент сердце Марины едва не выпрыгнуло из груди – его смертельный кувырок остановил упругий силикон обширного бюста.

– Ты же умерла!

Бесспорно, это было бестактное заявление.

Хорошее воспитание девицы Громовой закатило глаза и сокрушенно покачало головой.

– Нет, слухи о моей смерти сильно преувеличены! – бодро хохотнула Ксюша, запертая, очевидно, не в гробу.

– Я рада, – пробормотала Марина и положила трубку.

А потом полезла в бар за коньяком.

Воспитание воспитанием, а потрясение – потрясением!

Когда приятельница то умирает, то оживает, да еще назначает тебе скорую встречу – непонятно, на каком именно свете, – не напиться, право же, грешно.

Среда

«Ко всему можно привыкнуть, даже к смерти, которая ходит за тобой по пятам», – фило-софски думала Оля по дороге на работу.

Кроме невидимой смерти, по пятам за ней тянулись отчетливо видимые разнополюе граждане в количестве, заведомо превышающем грузоподъемность троллейбуса. И хвост этот все удлинялся.

Сознавая растущую конкуренцию, Оля не мешкала и на ходу незаметно, без явного вызова, разминала плечи.

Для посадки в переполненный троллейбус в утренний час пик требовалось объединить в едином порыве собственные физические силы и родовую память, которая с революционных времен сохранила опыт штурма поездов крестьянами-мешочниками.

О смерти, которой ей (или не ей) грозила (или все-таки не грозила) «красная метка» Жанны Марковны, Оля уже почти не думала.

Правда, утром за завтраком она из опасения отравиться отказалась от вчерашнего бутерброда с рыбой, но «красная метка» тут была ни при чем. Солидарная с классиком, Ольга Павловна считала, что рыба должна быть только первой свежести, демократично применяя этот принцип не только к благородной осетрине, которой она отродясь не едала, но и ко всем плебейским жаберным.

И в мучительно поскрипывающий лифт она не вошла не потому, что побоялась смерто-убийственным образом ухнуть в недра лифтового приемка девятиэтажки, а только ради пушего комфорта соседки, оккупировавшей кабину с целым выводком слюнявых мопсов на одной сворке.

В общем, не пугало здравомыслящую Ольгу Павловну невнятное злое пророчество. А зря!

Неоднократно обрезанный, сто раз ломавший ветки, благословляемый за редкую тень и проклинаемый за густой пух старый тополь на углу отчего-то выбрал для окончательного сведения счетов с жизнью именно это декабрьское утро.

– Хр-р-р-рясссь!

С оглушительным слоновьим храпом и чихом старый тополь переломился и рухнул попе-рек дорожки – к счастью, не настолько быстро, чтобы шеренга потенциальных пассажиров троллейбуса не успела брызнуть врассыпную.

– О боже! – пробормотала Ольга Павловна, созерцая присыпавшее ее сапоги древесное крошево. – О боже, боже! О боже, боже, боже!

– Чего встала, как мертвая?! – рявкнул на нее какой-то краснолицый дед. – Едешь? Шеве-лись!

Оля спохватилась и полезла в троллейбус.

Внезапное падение тополя произвело на нее самое тягостное впечатление.

Через сквер она бежала строго по осевой линии самой широкой аллеи, с нескрываемым подозрением косясь на елки по сторонам, а в школьном холле далеко обошла раскидистый фикус.

– Живая? – обрадовалась ее появлению Люсинда.

Она сидела за столом, с аппетитом завтракая творожными ватрушками с ванилью.

– Как видишь, – ответила Оля, с новым для нее чувством рассматривая цветочный гор-шок на шкафу.

Ведь свалится же он однажды кому-нибудь на голову, как пить дать!

– Вижу, – согласилась Люсинда и призывно потрясла шуршащим пакетом с выпечкой. – Бери плюшку! Можешь даже две взять, Ксю сегодня не будет, она на больничном.

– А что случилось?! – Оля приготовилась ужаснуться.

– Пока ничего, просто ее родственники на семейном совете решили, что постельный режим в родном доме – это сейчас самое безопасное времяпрепровождение для Ксю. Ее маман помчалась к ясновидящей, и та велела Ксюшу придержать, чтобы она не сновала туда-сюда, мешая ясновидящей разбирать запутанные линии мироздания.

– Мило! А я, значит, одна буду барахтаться в путанице линий? – насупилась Оля.

Она поняла, что семейство Ксю приносит ее в жертву, и почувствовала себя задетой, но вздернула подбородок и объявила:

– Мне нельзя на больничный, у меня завтра четвертные диктанты!

– Молодец, – похвалила ей аппетитно чавкавшая Люсинда. – Двум смертям не бывать, а одной не миновать!

– Девочки, по пятьсот рублей на похороны сдайте, пожалуйста! – встрепенулся при упоминании о смерти Александр Аркадьевич, копошившийся в недрах своего портфеля.

– Ну вот! – Люсинда расстроилась. – Скоро Новый год, нужны деньги на подарки, а тут – минус пятьсот рублей!

– Как тебе не стыдно! – прошипела сознательная Оля и полезла за кошельком.

– Мне не стыдно, мне жадно, – пробурчала бессовестная Люсинда, неохотно доставая портмоне. – Эх...

– Похороны завтра, в пятнадцать ноль– ноль, – сообщил Санаркадьич. – Надеюсь, все понимают, что явка строго обязательна!

Люсинда томительно долго отсчитывала сотенные бумажки, с большим нежеланием отдала их Санаркадьичу и, возвращаясь к своему столу, проходя мимо Оли, шепнула ей на ухо:

– Хоть ты пока не помирай, пожалуйста, совсем нет лишних денег на похороны!

Вероятно, это была просто шутка в духе черного юмора, но Оля обиделась.

В «красную метку» она по-прежнему не верила, но в ошутимо враждебном мире чувствовала себя крайне неудобно.

Вовсе не обязательно было идти за покупками самому, это прекрасно могли сделать секретарша или водитель, но Андрей хотел хоть что-то сделать лично. Он просто не мог упустить возможность сделать для Фантомаса хотя бы самую малость – ведь эти возможности были так редки!

Когда спец по сверхмалой авиации – бомж Петрович – на полном серьезе предупредил, что нынче большие листы папиросной бумаги купить очень трудно, поди их еще поищи, Андрей только хмыкнул. С его возможностями не составило бы труда быстренько прикупить целую папиросную фабрику, а нет – так он был готов безотлагательно взяться за изготовление нужной бумаги по древнему китайскому рецепту. Он даже жалел в глубине души, что такого подвига от него не требуется.

Для Фантомаса он без раздумий и с радостью совершил бы какой угодно подвиг.

На самом деле, оказалось достаточно зайти в магазин «Юный техник».

В советские времена этот специализированный магазин занимал весь первый этаж жилого дома напротив парка, однако с годами городская популяция юных техников уменьшилась в разы, и теперь товары для Самоделкиных занимали всего одну секцию. В остальных разместились дорогие механические и электронные игрушки, спортивные товары, галантерея и даже косметика.

И именно в галантерейный отел заскочила, стыдливо прикрывая ладошкой «стрелку» на коленке, раскрасневшаяся Ольга Павловна Романчикова.

Она отчаянно торопилась купить колготки и исправить возмутительный беспорядок в своем туалете до того, как оставленные «под честное слово» восьмиклассники закончат писать внеплановое сочинение «Как я провел минувшие выходные», находясь под ненадежным прищелчком глуховатой технички бабы Клавы.

В кассу стояла очередь. Ольга Павловна нервничала и, переминаясь с ноги на ногу, непредумышленно охватила этим процессом и чужую конечность: наступила на легкий, не по сезону, башмак какого-то гражданина.

– Осторожнее, девушка! – закономерно возмутился тот.

– Простите, ради бога!

Покаянно прижав к сердцу ладонь, Оля обернулась к обиженному гражданину и была неприятно удивлена:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.